

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ИСПАНИЯ ХУЛИАН КАРРОН

Богослов родом из Эстремадуры, в настоящее время живущий в Милане и с 2005 года возглавляющий Братство «Общения и освобождения», Хулиан Каррон не довольствуется тем, чтобы объяснять трудности, возникшие в жизни европейцев, исключительно экономическими факторами. «Сегодня риску подвержен именно человек, его разум, его свобода, в том числе и свобода иметь критический разум».

«Истоки нынешнего кризиса – в разрушении человечности»

Фернандо Пальмеро
Фото Хави Мартинеса

Хулиан Каррон соглашается с утверждением Бенедикта XVI касательно христианского происхождения ценностей, на которых, начиная с эпохи Просвещения, формировалась европейская цивилизация. Согласен он также и с тем, что они потерпели крах в настоящий момент истории, когда положение человека на Западе можно описать как «крушение очевидных оснований, на которые веками опиралось наше совместное существование». Поиск «уверенности столь убедительной, что она оставалась бы неизменной, невзирая на все различия, не принес результатов, – констатировал, выступая в Субиако в 2005 году, тогда еще кардинал Ратцингер. – И даже по-настоящему грандиозное усилие Канта было не в состоянии создать такую уверенность, которую бы разделяли все. <...> Доведенная до крайности попытка сформировать человеческие реалии, сведя на нет Бога, неизменно подводит нас все ближе к краю бездны, к полному списанию человека со счетов», – заключал он. «Таким образом, – комментировал Каррон в книге “Безоружная красота”, глубококом труде, богатом нравственными размышлениями, поднимающими вопрос об истоках нынешнего кризиса, – мы способствуем характерному и показательному перевороту: радикальное отдаление философии Просвещения от своих корней, которое должно было гарантировать полное и независимое утверждение человека, “выливается в конечном счете в устранение человека”».

В вашей книге вы настаиваете на том, что причины нынешнего кризиса не связаны исключительно с экономикой.

За последние десятилетия мы преодолевали и другие периоды экономического кризиса, которые, однако, не породили, как сейчас, попытки замкнуться в себе. Сводить все к экономическим причинам – значит сильно упрощать. Мы находимся перед гораздо более глубоким кризисом. Папа говорит о перемене эпохи именно потому, что в последние века не случалось столь глубинных перемен. Ценности, на которых зиждется западный мир: свобода, прогресс, свобода совести, возможность для каждого человека принимать решения относительно собственной судьбы, солидарность, братство – все это постепенно перестает быть очевидным, и проблема заключается в том, чтобы понять, что между нами общего, на каком основании мы можем строить нашу совместную жизнь в Европе и в мире.

Во Франции в первом туре президентских выборов пятьдесят процентов избирателей проголосовали за антисистемных кандидатов, во втором тридцать пять процентов поддержали расистскую позицию Марин Ле Пен. Это знаковые показатели?

Еще пять лет назад никто бы и представить себе не мог подобный результат. Произошедшее во Франции есть реакция, продиктованная страхом. Люди, голосовавшие за Ле Пен, полагают, что таким образом можно лучше защитить «наше», как будто решение заключается в возведении новых оборонительных стен, а не в размышлении о том, что завело нас в эту ситуацию. Как говорил Зигмунт Бауман, демократия, представлявшаяся нерушимым столпом, теперь оказалась под вопросом.

С чем связан националистский уклон, который мы ощущаем и здесь, в Испании, и который ставит под сомнение Европейский Союз?

Истоки все те же. Природа проблем, с которыми мы сталкиваемся, такова, что разрешить их можно лишь только подступая к ним сообща. Нам известно: не все в Евросоюзе шло так, как нам хотелось бы, и было бы ошибкой не признавать этого. Но, мне кажется, самоизоляция не является решением, и рассчитывать на нее в столь глобализованном историческом контексте, по-моему, просто наивно. Ханна Арендт говорила, что кризисные моменты полезны, так как они помогают нам вернуться к провокационным вопросам, на которые уже не получается давать заранее подготовленные ответы. Кризис – это возможность созидать пространства диалога, места, где нам удастся слушать друг друга, вместо того чтобы ставить на первый план нашу самонадеянность.

Способствовал ли исламский терроризм ослаблению единой Европы?

Французский востоковед Оливье Руа предложил точку зрения, учитывающую глубинные корни подобного типа терроризма. Мы думаем, что террористы – это исламские радикалисты, но в большинстве случаев ими оказываются иммигранты во втором поколении, не обязательно соблюдающие предписания ислама, побывавшие в тюрьме и непредвиденным для себя образом претерпевшие радикализацию. Речь идет о людях с проблемами, о преступниках, которые стали мусульманами и нашли оправдание уже имевшимся у них проблемам. Однако прибегать к насилию многих из них вынуждает отсутствие конечного смысла жизни, потому что именно разрушение человечности лежит у истоков нынешнего кризиса. Кто-то из них только приехал, кто-то относится ко второму поколению мигрантов, и они не подстраиваются под окружающую их действительность, как и многие дети из наших семей. Поэтому, даже выгнав всех, мы ничего бы не разрешили, ведь проблемы создают не они, они лишь выявляют нашу собственную давнюю проблему.

Некоторые считают, что для борьбы с джихадизмом необходимо нравственное «переворужение» Запада. Вы же, напротив, предлагаете «безоружную красоту». Но не является ли она простодушной утопией?

Нравственное перевооружение есть новая форма диктата. Когда подросток идет в школу с металлической битой в рюкзаке, единственный способ заставить его отказаться от агрессивных инстинктов – бросить ему вызов и показать форму жизни, которая покорит его и окажется притягательней насилия. Вот единственное нравственное перевооружение, которое обезоруживает. Я не верю в альтернативы. Все прочее – отношение с позиции власти. Выбрать можно одно из двух: либо мы создаем полицейские государства, ради защиты которых нам придется постоянно жить в режиме страха перед другими, либо мы стремимся к открытым государствам, где есть пространство, позволяющее нам понять, ради чего стоит жить.

Но ведь существуют и международные причины, как, например, война между суннитами и шиитами.

Да, но мы должны учитывать: масштабные перемены, произошедшие на Ближнем Востоке, были вызваны войнами, принесенными извне. Я не говорю, что Саддам Хуссейн был святым, однако после всего произошедшего в их стране, иракцы не зажили лучше. Безусловно, кто-то может ухватиться за этот факт, чтобы спокойно использовать религию для утверждения насилия и оправдания того, что оправдать нельзя.

Ислам, в отличие от христианства, не знал Просвещения. Не сложнее ли поэтому арабским странам достичь демократии?

Возможно, сложнее, и потому мы можем осознать, насколько наивны те, кто рассчитывает экспортировать демократию – западную ценность, явившуюся итогом длиннейшего процесса созидания на общественном, культурном и человеческом уровнях. Бенедикт XVI признал, что, когда христианство стало государственной религией, именно просветители напомнили нам, христианам, о созидательной роли религии. Такой путь должны проделать все религии и все культуры, чтобы каждый человек, независимо от веры, мог бы достичь истины без какого-либо принуждения. Как говорил Шарль Пегги, кого заинтересует истина, если она не принята свободно?

Почему христианство, а точнее Церковь, вызывает в определенных слоях общества столь резкое противление?

Мы, христиане, должны задаться вопросом, о котором напоминал нам Т. С. Элиот: это Церковь предала людей или люди предали Церковь? На этот серьезный вызов пытался ответить Второй Ватиканский собор, который, издав в числе прочих и декрет о религиозной свободе, углубил понимание природы истины, природы христианской веры, не нуждающейся ни в какой другой силе, кроме очевидности красоты. Если это не так, если христианство превращается в совокупность традиций и действий, не побуждающих других с помощью притягательной для них красоты, то у него не будет никакой перспективы.

После перехода Испании к демократии, Церковь стали обвинять в том, что она пользуется привилегиями. На ваш взгляд, это действительно так?

Я не историк, и в те годы был еще молод, однако очевидно, что без изменений, произошедших в Церкви благодаря Второму Ватиканскому собору, мирный переход, который стал всеобщей попыткой признать невозможность жизни без других людей, дался бы гораздо труднее. Когда мы упускаем это из виду и самонадеянно полагаем, будто в состоянии обойтись без других, все обращается в радикализм. Церковь не желает никаких привилегий, она лишь просит дать ей возможность вносить свой вклад, такой же, какой могут предложить любые другие представители общественной, культурной или рабочей среды. Она защищает эту возможность, остальное ее не интересует.

Как, на ваш взгляд, правительство Рахоя распорядилось законодательным наследием в связи с абортами, эвтаназией или однополыми браками?

В подходе к такого рода проблемам законодательство является последним пунктом. Вопрос не в навязывании той или иной точки зрения, а в том, что позволяет заново признать убедительными определенные ценности, для кого-то не являющиеся таковыми. Церковь считает, что жизнь лучше, когда живешь в отношении с другими, что дети лучше растут в лоне семьи, что людям лучше в браке, нежели в разводе, но все это нельзя внушить с помощью декретов. Мы думали, что, чтобы наслаждаться свободой, достаточно не иметь никаких уз, однако в один прекрасный момент человек

спрашивает себя: почему я свободен? Это не законодательная проблема, закон – лишь следствие чего-то, что прежде необходимо построить и что должно получить всеобщее признание. Когда законы делают шаг назад – в вопросах труда, защиты женщин, жизни или экологии – мы видим лишь последствия. К примеру, никто не заставляет нас издавать закон, защищающий природу, и это означает, что эта ценность еще не потерпела крах, и отражается на уровне закона. Вызов заключается в том, чтобы, как говорит папа, избежать господства идеологии, стремящейся отбросить все ненужное и относящейся к людям как к чему-то, чем можно воспользоваться, а затем выкинуть.

Была ли утрачена ценность человеческой жизни?

Мы считали само собой разумеющимся, что жизнь как таковая обладает ценностью. Однако одной жизни недостаточно. Жизнь ценна, если у нее есть смысл, если есть что-то, ради чего стоит ее прожить. Жизнь должна пробуждать любовь, поскольку именно благодаря этому я открываюсь навстречу более широкому горизонту и начинаю ощущать другого не врагом, не кем-то, ограничивающим мою свободу, а тем, что распахивает ее.

Какая ответственность в связи с этим лежит на воспитании?

Чем больше в нашем распоряжении данных, тем очевиднее становится, что в сфере воспитания мы находимся перед лицом чрезвычайной ситуации. Когда-то преподаватели видели перед собой ребят, готовых учиться. Сегодня все не так, сегодня, чтобы как-то затронуть их, нужно вызвать в них интерес к тому, что объясняешь, чтобы объясняемое как-то сказалось на их личности, поскольку, предлагая им человеческий путь, путь познания, путь, предполагающий использование разума и воспитание свободы, мы можем породить людей, которые, в свою очередь, будут формировать наше общество. Часто проблема воспитания оказывается проблемой не только детей, но и взрослых. Для многих родителей единственный принцип состоит в том, что их дети не должны переносить тяготы, какие пришлось перенести им самим. Однако если мы вместо того, чтобы сопровождать их и помогать им преодолевать трудности, лишим их факторов, позволяющих личности взрослеть, мы сотворим из них вечных детей. С другой стороны, сегодня воспитание заключается в том, чтобы предоставить ученикам необходимые технические средства, чтобы они могли справляться самостоятельно, поскольку уже не актуально давать им философское или антропологическое образование. Именно по этой причине мы настолько беззащитны перед лицом «фейковых» новостей. Человеческое сердце словно больше не способно различать истину. Вот почему нужно поставить в центр личность и научить ее смотреть на мир собственными глазами, думать собственной головой, развивать в себе критический дух, позволяющий человеческому «я» становиться главным героем, а не просто зрителем, лидером, а не последователем, гражданином, а не подданным.

Необходим ли в воспитании авторитет?

С точки зрения этимологии, авторитет означает человека, который способствует моему росту. У кого из нас в жизни нет таких людей, преподавателей, друзей? Авторитет – свидетель, говорящий тебе: «Смотри, как можно жить», – это не тот, кто властно навязывает тебе определенное видение вещей, а кто бросает тебе вызов самой своей жизнью.

В нынешнем положении, сложившемся в Стране Басков, нужно ли, чтобы двигаться вперед, предпочесть правосудию забвение?

Правосудие обязано исполнять свои функции в отношении тех, кто совершил преступление. Однако эти люди могут отбыть весь срок и не признать свое зло. Мы же можем впасть в состояние

фрустрации оттого, что пострадавшие никогда не вернут назад своих любимых. Проблема, стоящая перед нами, гораздо глубже, чем кажется. Если не существует иного мира, правосудие превращается в пустое слово. Христианство утверждает, что иной мир стал присутствием в истории. Иисус, отдав жизнь за людей, бросил вызов круговерти насилия, из которой нам самим не удастся выбраться. Без Его милосердия не обретают мира ни одни, ни другие. Когда люди открываются ему, начинают происходить события, меняющие в первую очередь самих людей. Если в жизни не происходит что-то, затмевающее в настоящем все ужасы прошлого, то мы ничего не можем поделать.